
Июнь 1966 года

Место преступления

Бардак. Сразу понятно, что здесь недавно закончилась бурная вечеринка. Тарелки с остатками еды, стаканы, бокалы и рюмки, на столе недопитые бутылки, на полу вдоль стен — пустые. Пепельницы с горами окурков.

Конечно, все это свинство портит идеальную картину, но не затевать же уборку в чужом доме...

Ничего, для своей цели он использует кабинетный рояль, гладкая крышка которого даже в темноте светится, отражая проникающий из открытого окна лунный свет. Рояль — это святое, даже самые пьяные и разнузданные гости знают: хозяин не допустит, чтобы на инструмент поставили чашку или любой другой посторонний предмет. На рояле могут лежать только ноты.

В поселке частенько случаются перебои с электричеством, и керосиновые лампы или запас свечей имеются в любом доме. Для этих хозяев керо-

син — слишком вульгарно, зато свечи они любят зажигать по всякому поводу, значит, их должно быть много. Все верно, вот они, в ящике на веранде. Чистые блюдца нашлись в тяжеловесном резном старинном буфете. Сервиз на двадцать четыре персоны. Ну, так много ему не требуется, вполне хватит тринадцати. Чертова дюжина — как раз то, что нужно. Расположить затейливой линией на крышке рояля, на каждое поставить зажженную свечу, предварительно подтопив воск в нижней части, чтобы крепче держалась. Свечи толстые, устойчивые сами по себе, но для надежности не помешает подстраховаться, а то упадет — и пожар может вспыхнуть, а это в план не входит.

Владилен лежит на удобной кушетке, расположенной в углу просторной комнаты, между роялем и стеной. Рядом, у изголовья, столик на изящных гнутых ножках, на инкрустированной овальной столешнице пустая бутылка из-под водки и две упаковки таблеток. Упаковки тоже пустые, а таблетки — импортное снотворное. Или не снотворное? Кто их разберет, эти заграничные лекарства... Может, чистый наркотик или еще что-то ядовитое, но убивает действительно быстро, если в больших дозах да под водочку. Пустые коробочки с надписью на чужом языке убрать, выбросить в мусорное ведро.

На грудь, широкую и массивную, положить фотографию. Сверху, строго по диагонали черно-белого прямоугольного снимка, поместить

узенькую полоску бумаги с короткой надписью, сделанной печатными буквами.

Окинуть глазами сцену. Кажется, все идеально. Безупречно.

Прощай, Владилен Семенович. Покойся с миром.

Октябрь 2021 года
Петр Кравченко

Очутившись на улице, Петр моментально сорвал с лица маску и принялся стягивать с рук перчатки. Черт бы побрал этот коронавирус и все пандемийные ограничения, вместе взятые! Ну сколько можно! Полтора года уже люди мучаются, запуганные и задержанные бесконечным потоком устрашающих цифр заболеваемости и смертности, полтора года всяческих ограничений, теперь вот вакцинацию требуют, без сертификата или кью-ар кода, свидетельствующих о том, что ты сделал прививку, во многие учреждения просто не пускают. В опасность ковида Петр не очень-то верил и заболеть не боялся, так что будь его воля — на пушечный выстрел не подошел бы к месту, где делают прививки, но работа есть работа. А работа требовала посещения самых разных мест, где трудятся или обитают самые разные люди. Даже если статус «привитого» не требовался для входа, велик риск

нарваться на отказ разговаривать с потенциальным носителем заразы. Собственно, именно такой отказ и сподвиг молодого журналиста и писателя Петра Кравченко забыть о собственном ковид-диссидентстве и все-таки пойти и вакцинироваться. Месяц назад он пришел к матери полицейского, убитого в 2018 году, чтобы поговорить, задать ряд вопросов, предварительно получил по телефону ее согласие на визит и беседу, однако когда явился в назначенное время — услышал из-за запертой двери квартиры непреклонное требование показать в глазок сертификат о прививке.

— Без прививки я вас не впускаю, — твердо заявила женщина. — Мне жить еще не надоело.

В тот раз Петру пришлось уйти несолоно хлебавши. Через пару часов, когда растерянность прошла, а злость утихла, он снова позвонил ей по телефону и договорился об интервью по скайпу. Ничего сложного, скайпом после марта 2020 года владели практически все, даже очень пожилые люди. В принципе материал при таких раскладах можно собирать, не выходя из дома, но Петр предпочитал разговоры живые, настоящие, реальные. Бог его знает почему.

Пришлось наступить себе на горло и сделать прививку. Первый укол, потом пауза в три недели и второй укол, после которого ты получаешь заветное свидетельство того, что... А, собственно, чего? О чем свидетельствует сертификат или получае-

мый от Госуслуг код? О том, что ты не болен и не можешь никого заразить? Конечно же, нет. Новая малоизученная вакцина пока еще плохо проверена и вообще ничего такого не гарантирует. Если ею привиться, то «может быть, риск подцепить вирус ковид-19 станет несколько ниже», только и всего. Именно что «может быть» и «риск заразиться несколько ниже». Но и это не точно. Так зачем же всякие учреждения и организации так оголтело требуют, чтобы ты был непременно привит, иначе внутрь не впускают? Смысл в чем?

Петр сердился и негодовал, постоянно изливая свое возмущение девушке, вместе с которой приехал в Москву, чтобы собирать материал для новой книги о сотрудниках правоохранительных органов, погибших при исполнении служебных обязанностей. Но злись не злись, а мир не перевернешь и свои порядки не установишь. Зато сегодня он получил вторую дозу вакцины, и уже через час на его телефон придет заветный кью-ар код, при помощи которого будут открываться многие двери, ранее закрывавшиеся прямо перед носом. А это совсем не лишнее, учитывая, что в три часа дня ему нужно быть у очень и очень немолодого человека, который давно уже перешагнул порог «шестьдесят пять плюс» и считался в условиях пандемии представителем группы повышенного риска. Мало ли какие тараканы в голове у старика, а терять такого собеседника Петру очень не хотелось.

* * *

На звонок домофона ответил мелодичный женский голос, а когда Петр поднялся на второй этаж, дверь ему открыла миловидная моложавая дама, об истинном возрасте которой можно было догадываться (и то весьма приблизительно) только по отросшим седым корням крашенных волос. Стройная и подтянутая, женщина на первый взгляд казалась едва ли сорокалетней.

— Проходите, Николай Андреевич ждет вас, — пригласила она с улыбкой.

— Я привит, — сразу же сообщил Петр, хотя его об этом не спрашивали.

Женщина снова улыбнулась и кивнула:

— Любопытная примета времени, не находите? Сейчас первое, о чем люди говорят при встрече, это переболел ли, привился ли и какой уровень антител. Не волнуйтесь, дядя Коля у нас фаталист, он считает, что от судьбы не уйдешь и каждый человек так или иначе проживет ровно столько, сколько ему отмерено.

— Дядя Коля? — переспросил Петр чуть насмешливо: его позабавило такое панибратство.

— Я — племянница Николая Андреевича, — пояснила женщина, ничуть не смутившись. — Для меня он всю жизнь был дядей Колей.

Николай Андреевич Губанов, полковник милиции в отставке, плавно подбирался к завершению

девятого десятка, но, несмотря на физическую немощь, сохранил ясный ум, во всяком случае, именно так показалось Петру при телефонном разговоре, и журналист очень рассчитывал на его воспоминания об убийстве следователя Садкова в 1981 году. Морщинистое лицо Губанова со слезящимися мутноватыми глазами в первый момент вызвало у Петра оторопь: «Совсем дряхлый. Ничего он не вспомнит и не расскажет. Зря я на него надеялся». Однако при первых же звуках его голоса, твердого и уверенного, опасения развеялись.

— Добрый день, юноша. Присаживайтесь. Петр, кажется?

— Да, — с облегчением выдохнул журналист. — Петр Кравченко.

— По телефону вы сказали, что хотите поговорить о гибели Садкова, я не ошибся?

— Не ошиблись.

— Поговорим, — кивнул Губанов. — Только сперва вы мне объясните, почему интересуетесь этой старой историей. Присаживайтесь, располагайтесь, разговор нам с вами предстоит долгий. Сейчас Светочка принесет нам чаю. Или вы предпочитаете кофе?

— Нет-нет, чаю выпью с удовольствием, — соврал Петр.

Чай он не особо любил, но перед самым визитом заскочил по дороге в кафе, пообедал и заполиро-

вал невкусную еду двумя чашками эспрессо. Кофе в заведении оказался на диво крепким, и теперь сердце трепыхалось, как у перепуганного зайца.

Пока устраивался, доставал из сумки диктофон и блокнот, успел осмотреться и составить первое представление. Комната средних размеров, примерно пятнадцать-восемнадцать квадратов, светлая, с двумя большими окнами, мебелью не загромождена, но все необходимое имеется: книжный шкаф, диван, тумба с плазмой, прямоугольный стол с четырьмя стульями. И кожаное кресло с высокой спинкой, на темно-коричневом фоне которой ярко выделялась густая копна ослепительно седых волос полковника в отставке, одетого в толстый свитер с объемным воротником, как у Хемингуэя на знаменитой фотографии. Колени прикрыты пледом, из-под которого виднеются домашние тапки, но Петр отчего-то был уверен, что между свитером и тапками надеты не старые заношенные треники, а приличные цивильные брюки, пусть и не первой молодости. Крутом идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Интересно, кто-то постоянно наводит здесь чистоту или специально прибрались к приходу визитера?

— Вы живете один? — спросил Петр как бы между прочим, листая блокнот.

Губанов усмехнулся.

— Юноша, посмотрите на меня внимательно. Как, по-вашему, я могу справляться? Света, моя

племянница, приходит каждый день. Она на удаленке, так что ночует у себя дома, а с утра до вечера здесь со своим ноутбуком.

— А потом? Что будет, когда пандемия закончится и удаленку отменят? У вас есть кто-то, кто будет вам помогать?

— Мне восемьдесят семь лет, молодой человек, так что до конца пандемии я вряд ли доживу. Ну а уж если бог пошлет дожить, тогда и буду думать.

Светлана принесла чай, вазочки с печеньем и еще чем-то сладким и неслышно удалилась. От дымящейся чашки исходил аромат земляники и апельсина. Губанов молчал, глядя куда-то поверх головы Петра, и журналисту показалось, что хозяин квартиры впал в спячку, совершенно позабыв, что перед ним сидит гость. «Какой же он старый, — подумал Петр. — Совсем-совсем старый. Напрасно я пришел, наверное». Может, и напрасно, но в архивы МВД, прокуратуры и суда его пока не пускают, заявления и разрешения рассматривают почему-то очень долго, и люди — его единственный источник информации. Дело сорокалетней давности — штука непростая, найти живых свидетелей, которые что-то знают и помнят, сложно. Если бы дело было только в убийстве 1981 года, проблема решалась бы куда проще, но ведь на самом деле всей истории на пятнадцать лет больше. И тем, кто еще жив, знает и помнит, уже больше восьмидесяти. Вот в этом-то вся засада и состоит.

Николай Андреевич молча пил чай мелкими глоточками, по-прежнему глядя в пространство, и Петр никак не мог решиться прервать молчание.

— Я жду, молодой человек. Так почему вас заинтересовало дело Садкова?

От неожиданности Петр вздрогнул и чуть не пролил горячий напиток себе на колени.

— Простите, — пробормотал он. — Мне показалось, вы задумались. Не хотел вам мешать. Дело в том, что я собираю материал для книги о сотрудниках правоохранительных органов, погибших в связи с исполнением служебных обязанностей.

— Да? Любопытно. И с чего вдруг вы решили взяться за такую тему?

От неожиданности Петр даже слегка поежился. Губанов был далеко не первым, с кем он встречался за последние два месяца, и каждому, у кого брал интервью, приходилось объяснять, с какой целью журналист задает свои вопросы. Реакция во всех без исключения случаях была примерно одинаковой: как это хорошо, как правильно, люди жертвуют жизнью во имя долга, давно пора отдать им дань уважения, а то нынче все сплошь критика и очернение. Короче, в таком духе. Намерение написать подобную книгу ни у кого не вызывало ни удивления, ни возражения. Никому даже в голову не приходило поинтересоваться: а с чего это вдруг?

Пришлось рассказывать о своей первой книге, написанной по материалам дела Андрея Соколь-

никова, в невиновности которого Петр Кравченко был изначально абсолютно убежден и намеревался провести собственное журналистское расследование, чтобы доказать, что человек осужден несправедливо и отбывает срок ни за что.

— Я поддался влиянию общего потока информации о том, что начиная с девяностых годов правоохранительная система стала быстро терять профессионализм, расцвели коррупция и силовое предпринимательство, никто ничего толком не расследует, уголовные дела фальсифицируют. И мне показалось, что в деле Сокольникова это проявилось так ярко, так несомненно... Но мне довольно быстро показали, что я ошибаюсь.

— Кто показал?

— Человек, который меня консультировал, помогал разобраться в материалах дела.

— И кто же вас консультировал?

Петр помялся. Вообще-то его не просили не называть имен, все было открыто и официально, и имя полковника милиции в отставке Анастасии Павловны Каменской указано в опубликованной книге в разделе «Благодарности». Но он все равно отчего-то колебался.

— Бывший сотрудник уголовного розыска, — промямлил он неуверенно.

Глубокие морщины на лице Губанова шевельнулись, складываясь в ироничную гримасу.

— Я ценю вашу деликатность, юноша, но хотелось бы услышать имя. Возможно, я знаю этого человека, а в мои годы всегда приятно услышать знакомое имя из прошлой жизни. Так кто вам помогал?

— Каменская Анастасия Павловна.

Повисла пауза, затем тонкие, почти неотличимые от морщин губы старика дрогнули в полуулыбке.

— Каменская... Лично не знал ее, но много слышал. Помнится, оформлял ей разрешение на преподавание в Высшей школе. Потом она диссертацию защитила без отрыва от работы в розыске, мы еще тогда удивлялись, как сил и времени хватило. Это ведь она, я не путаю?

— Она, — подтвердил Петр.

— Вы назвали ее бывшим сотрудником. Значит, ушла из розыска? Небось сыщицкий горький хлеб променяла на бизнес?

— Она ушла на пенсию. В смысле — в отставку, — поправился Петр. — Еще в десятом году, когда ей исполнилось пятьдесят.

Губанов со стуком поставил чашку на блюдце и откинулся на спинку кресла.

— Очень странное чувство появляется, когда узнаешь, что те, кого ты когда-то считал зеленым молодняком, уже давно на пенсии. Пенсионер, отставник, который моложе тебя на четверть века... Ужасно! Только в такие моменты и начинаешь

понимать, как же долго ты живешь. Ладно, это все лирика. Так почему после того дела... как вы сказали? Соколова?

— Сокольников, — быстро подсказал Петр.

— Да, Сокольников. Почему после того дела вы решили обратиться к погибшим сотрудникам? Какая связь?

Петр вздохнул. Связь была очень простой и называлась «чувство вины». Даже не столько вины, сколько неловкости за собственный юношеский максимализм и за доверчивость. Повелся на бесконечные разговоры о том, что правоохранительная система вся насквозь прогнила и состоит сплошь из одних халтурщиков и взяточников, взялся доказывать невиновность осужденного, не сомневался в успехе. А вышло все совсем иначе. Да, в работе по раскрытию и расследованию преступлений, в отправлении правосудия по уголовным делам много грязи, денег, личных интересов и самых низменных побуждений, это правда. Но есть и честность, и жертвенность, и подвиги, и это тоже правда. И пока молодой журналист работал над своей первой книгой, в нем созрело желание написать о тех, у кого борьба с преступностью забрала жизнь в буквальном смысле слова. О «плохих парнях» из милиции и полиции он написал множество статей, опубликованных в его родной Тюмени, пришла пора отдать дань и тем, кто погиб, выполняя свой служебный долг.

— Получается, вы начали с оголтелого охаивания системы, а теперь решили принести свои извинения? Или просто хотите продемонстрировать непредвзятость, дескать, и такие явления есть, и другие? — строго спросил Губанов, выслушав объяснения.

— Ну... да, примерно так. Я хочу, чтобы все было правильно. В деле Сокольников не было халтуры и подкупа, там были чисто ведомственные интересы, в результате которых произошло сокрытие доказательств. Именно поэтому материалы дела выглядели так странно и давали основания полагать, что там не все чисто. На это я и купился. Свои первоначальные подозрения я озвучил в книге, ничего не скрывая, а потом последовательно их опровергал. Но за эти подозрения мне неловко.

— Хорошо, — кивнул Николай Андреевич. — Будем считать, что я принял ваши аргументы. Что вам известно об убийстве Садкова?

— Очень немногое. Только то, что он был убит в восемьдесят первом и это как-то связано с делом Астахова.

Губанов снова умолк надолго. Потом неожиданно спросил:

— Как сегодня на улице? Холодно? Ветрено?

— Нет, — удивленно ответил Петр. — Погода очень приятная, сухо, ветра нет. А что?

«Меняет тему, — с неудовольствием подумал он. — Не хочет рассказывать. Ну что ж, это не первая неудача и наверняка не последняя».

— Давайте-ка выйдем, прогуляемся.

— А разве... — невольно вырвалось у Петра, который тут же осекся и залился краской, одновременно ругая себя за бестактность и ненавидя за дурацкую особенность краснеть при малейшем волнении.

— Ноги пока неплохо держат, — с усмешкой ответил Губанов на незаданный вопрос, — а вот сосуды — дрянь, голова часто кружится, могу потерять равновесие. Со Светочкой не рискую выходить, если что — она мои девяносто килограммов не удержит, рухнет вместе со мной. А вы, как я вижу, молодой, сильный, в хорошей форме, с вами не страшно.

Он оперся руками на подлокотники и медленно поднялся. Плед соскользнул на пол, и Петр убедился, что оказался прав в своих первоначальных предположениях: на полковнике надеты не заношенные спортивные штаны, а мешковатые старомодные брюки с заглаженными до бритвенной остроты стрелками. Похоже, племянница Светлана и впрямь старательно ухаживает за стареньким дядюшкой.

Ну что ж, гулять так гулять.

* * *

— Начинать, видимо, придется с самого начала. Как говорится, от печки, — проговорил Губанов, когда они, медленно прошагав минут пятнадцать

по аллее, усыпанной опавшими желтыми и красными листьями, присели на лавочку: старик устал и хотел отдохнуть. Шагал Николай Андреевич не очень-то уверенно, то и дело опасно покачивался, и Петр каждую секунду готовился к тому, что его спутник начнет падать и нужно успеть его подхватить. Однако обошлось.

Едва усевшись на выкрашенную светло-голубой краской грязноватую скамейку, Петр тут же извлек из кармана и включил диктофон. «Надо было и блокнот прихватить, — с досадой подумал он. — Почему-то я решил, что мы будем все время ходить, так что блокнот не понадобится. Вот же остолоп я!»

— Вы хотя бы приблизительно представляете себе, какой была милиция в шестидесятые годы?

Вопрос был, разумеется, риторическим. Откуда Петру Кравченко знать? Это было так давно!

Следующие двадцать минут Николай Андреевич рассказывал о бесконечных слияниях и разделениях органов внутренних дел и госбезопасности, о переименованиях, о переводах из союзного управления в республиканское и обратно. Каждая такая перемена сопровождалась кадровыми перестановками, сокращениями или, наоборот, увеличением штатов. Одним словом, о стабильности в организации борьбы с преступностью можно было только мечтать.

— Как видите, в пятидесятые годы беспорядка было хоть отбавляй, но подробности я опущу,

возьмем только шестидесятые, это поближе к тем событиям, которые вас интересуют, — мерно и неторопливо говорил Губанов. — Вот представьте: в январе шестидесятого Хрущев подписал постановление об упразднении МВД СССР. То есть министерства внутренних дел будут только в союзных республиках, а на уровне страны в целом — нет. Это сразу привело к ослаблению координации, нарушило обмен информацией, нормативное регулирование пошло вразнос, ведь каждая республика стремилась устанавливать собственные правила. Через полтора года в МВД РСФСР сменили министра, сняли Стаханова, назначили Тикунова. А что такое смена министра? Правильно, это смена всей команды. Каждый новый руководитель стремится подтянуть к себе поближе тех, кому может доверять, на кого может положиться или кому хочет оказать услугу, облагодетельствовать или отдать долг. Одних перевели или отправили на пенсию, других назначили. Еще через год, в середине шестидесят второго, Министерство внутренних дел преобразовали в Министерство охраны общественного порядка. В середине шестидесят шестого — новые перемены, теперь министерство стало союзно-республиканским, то есть в каждой республике свое МООП плюс союзное. Двух месяцев не прошло — опять все меняется: МООП РСФСР упраздняют и его функции передают союзному министерству. За какие-то жалкие шесть лет

столько преобразований! Понятно, что систему лихорадило, люди буквально перелетали с должности на должность и даже не успевали сообразить, что им нужно делать в новом кресле, как их уже опять куда-то переводили. Но это только одна сторона вопроса.

— А какая другая сторона? — с любопытством спросил Петр.

Он даже не ожидал, что у МВД такая запутанная история. И если совсем честно, название «Министерство охраны общественного порядка» он слышал впервые. Неужели это и вправду было? Наверное, было, не станет же Губанов выдумывать, подобные факты проверяются за полторы секунды, спасибо «Гуглу».

Мимо них прошла элегантно одетая пожилая дама, ведя за руку девчущку лет пяти, прямо навстречу им мчался подросток на электросамокате. Судя по белым наушникам и отрешенному выражению лица, смотреть по сторонам ему было неинтересно. Петр на мгновение зажмурился от ужаса: ему показалось, что столкновения не избежать. Однако паренек ловко вильнул в сторону, а дама с девочкой, в свою очередь, испуганно шараянулись, остановились и гневно посмотрели вслед юному спортсмену. Да уж, не погулять Николаю Андреевичу самостоятельно в нынешних условиях... Скейты, ролики, электросамокаты, курьеры на велосипедах. Особенно курьеры, бесившие

Петра до потери самообладания: ездят на высокой скорости прямо по тротуарам, вперив при этом глаза в телефоны, ничего толком не видят вокруг себя, с пешеходами вообще не считаются. Конечно, за последние полтора года курьерская доставка набрала обороты из-за ковида, число заказов увеличилось в разы, курьеры торопятся, маршруты смотрят в навигаторе, можно все это понять. Но нельзя не признать, что в нынешнее время старикам опасно гулять в одиночестве, особенно в сумерках и в темноте.

— Другая сторона состояла в качестве кадрового состава и уровне профессионализма, — продолжал между тем Губанов, который, кажется, даже не заметил едва не случившейся беды. — Как вы думаете, сколько людей с высшим образованием служило в МВД?

Петр мысленно прикинул: наверное, процентов восемьдесят-девяносто. Но если Губанов задает вопрос, то наверняка с подвохом. Значит, меньше.

— Пятьдесят? — проговорил он неуверенно.

Смех Николая Андреевича был громким и раскатистым.

— Юноша, вы большой оптимист! Какие пятьдесят, побойтесь бога! В середине шестидесятых высшее образование имели только двенадцать процентов начсостава, проще говоря — каждый восьмой. Причем это высшее образование далеко не всегда было именно юридическим. Юристов

с высшим образованием насчитывалось вообще только девять процентов. Девять! Среднее юридическое образование имел один из пяти, и это мы говорим о начсоставе, об офицерах при должностях. А уж про рядовой и сержантский состав и говорить нечего, десятилетку окончил каждый десятый, остальные девять даже общего среднего образования не имели.

— Как же так? Ведь столько школ милиции было... Мне рассказывали, что в каждой республике была Высшая школа, в РСФСР даже не одна, и в каждом крупном городе — средняя.

— Это все уже потом, при Щелокове, а в середине шестидесятых Высших школ имелось всего четыре на всю огромную страну: в Москве, Киеве, Ташкенте и Омске. Все остальные школы были средними плюс всякие областные пункты подготовки и переподготовки. Одним словом, с квалифицированными кадрами в нашем министерстве был полный швах.

— Вы так точно помните все цифры, — недоверчиво заметил Петр.

— Это моя работа, — коротко ответил Губанов. Потом горько улыбнулся: — Бывшая работа. Нет, не так: это дело, которым я занимался не один десяток лет. Поэтому не удивляйтесь, что я много чего помню. Я совсем немножко поработал в уголовном розыске, а потом до самой пенсии сидел на аппаратной деятельности, сначала в кадрах,

потом в управлении учебных заведений, потом эти службы объединили, сделали Главное управление кадров и учебных заведений, потом опять разъединили. Но я всегда занимался одной и той же проблемой: какими должны быть принципы комплектования личного состава и расстановки кадров и как организовать подготовку этих кадров. Ладно, я чувствую, что вам эти детали малоинтересны. Я-то могу часами говорить о кадровых проблемах, а вы поди ждете, когда же я до дела Астахова доберусь. Доберусь, не беспокойтесь. Но сперва я вам приведу только один пример, чтобы вы понимали, насколько непрофессионально могли сработать ребята из угрозыска в те годы. Просто чтобы вы ничему не удивлялись. Это произошло в конце шестидесятых в Красноярском крае. В проруби обнаружили труп подростка, мальчика-школьника. Опознали сразу, пошли к нему домой — пусто, родителей нет. В сарае нашли труп матери, зверски убитой. Подозрение, естественно, сразу пало на отца, принялись искать его, нигде не нашли. Спустя какое-то время озаботились тем, чтобы получше изучить личность мальчика, снова осмотрели дом, порылись в его тетрадах, записках. Прошло еще несколько дней — и дом внезапно загорелся. Пожар потушили и среди рухнувших обломков обнаружили труп отца с веревкой на шее. Понимаете, что произошло? Отец тоже был убит, его тело висело на чердаке дома, а опера-

тивники дважды дом осматривали и ничего не нашли. На чердак не заглянули. Дважды, юноша! И ведь речь не о дворце, в котором сто пятьдесят комнат и десятки потайных помещений, это самый обычный частный домишко в селе, пара комнат, чердак и надворная постройка в виде сарая. Как можно было не найти третий труп? Вот как?! Конечно, сначала стали говорить, мол, отец убил сына и жену, сбежал, потом раскаялся, вернулся домой и сам повесился уже после того, как опера второй раз дом осмотрели. Но судебно-медицинская экспертиза сделала совершенно однозначный вывод: человек не сам повесился, а был убит, причем давность наступления смерти точно такая же, как у мальчика и женщины. И никакие разговоры о том, что во время первых двух осмотров третьего трупа в доме не было, уже не проходили.

Звучало, конечно, чудовищно. Петру трудно было в такое поверить.

— Неужели правда?

— Если мне не верите — посмотрите документальный фильм об этом деле. Я не хочу сказать, что все сыщики в те времена так работали, это было бы неправдой. Но то, что были и такие сотрудники, которые на пятидесяти квадратных метрах не находили тело повешенного, тоже факт. Просто не забывайте об этом, когда будем говорить о деле Астахова. Началось все летом шестьдесят шестого, в июне...

Июнь 1966 года

Михаил Губанов

В квартире было тихо, никаких запахов еды.

— Проспали, что ли? — проворчала Нина и прямо с порога закричала: — Колька, Лариса, пора вставать!

Пока Михаил аккуратно закрывал дверь, девушка проскочила в комнату, и сразу же послышался ее возмущенный голосок:

— Ларка! Хорош дрыхнуть, всем на работу надо, давай завтракать.

В ответ донеслось сонное и тягучее:

— Да иди ты...

Через несколько минут Лариса в халате выползла на кухню. Лицо припухшее, недовольное.

— А где мой высокородный братец? — спросил Михаил.

— Вчера на дачу укатил, а сегодня прямо оттуда на службу, — зевая объяснила Лариса. — Продукты отвозил.

— А ты чего, — не отставал Миша, — не поехала с ним? Опять со своими поэтами хвостом крутила?

Лариса потрянула головой, отбрасывая упавшие на лицо спутанные темные волосы, посмотрела сердито.

— Не хвостом крутила, а слушала хорошие стихи. Куда тебе до настоящей поэзии... Ты в ли-

тературе вообще не разбираешься. Нин, чайник поставь.

— Да поставила уже, — буркнула Нина, которая резала белый батон и докторскую колбасу, не дожидаясь указаний жены старшего брата. — Ничего, кроме бутербродов, уже не успеем. Хоть бы предупредила с вечера, что идешь на свою гулянку, мы бы сами позавтракали, на тебя не надеялись бы. Безответственная ты, Ларка!

— Ой, можно подумать, ты очень ответственная, — вяло протянула Лариса.

Она выдвинула из-под стола табуретку, усе-лась, достала из кармана мятую пачку «Родопи» и закурила.

— Ненавижу лето, — заявила молодая женщина, выпустив дым после первой затяжки. — Весь год живем как нормальные люди, а как лето — так делают из меня ломовую лошадь. Между прочим, Нинулечка, ты могла бы сама готовить на всех, пока бабушка с Юриком на даче, а не сваливать все на меня. Я не нанималась все ваше семейство обслуживать.

— Иди лучше зубы почисти, вместо того чтобы курить, — зло отозвалась Нина. — Не отсвечивай тут, и без тебя не повернуться.

Кухня была небольшой, всего пять с половиной квадратных метров, и двум хозяйкам здесь действительно тесновато.

Михаил стоял, прислонившись к дверному косяку и с усмешкой слушая перебранку своих

родственниц. И ведь обе — нормальные девки, что Нина, младшая сестренка, что Лариса, жена старшего брата Николая, а вот почему-то недолюбливают друг друга. Вроде и не ссорились, и делить им нечего, а поди ж ты... Вообще-то Нина на самом деле Антонина, именно так ее назвали при рождении и это имя записано в ее паспорте, но девушка, еще будучи старшеклассницей, сочла имя немодным и требовала, чтобы все сократили его до более современной Нины.

— Нинусь, а может, Ларка права? Когда мама в городе, то понятно, что она всем нам готовит, она же на пенсии, а почему летом-то мы заставляем Ларису стоять у плиты? Почему она должна готовить, а не ты? — сказал Михаил, когда Лариса ушла в ванную.

Сестра вскинула на него возмущенный взгляд:

— Обалдел? Во-первых, у нас служба, а у Ларки — работа из серии «не бей лежачего», нам и приходиться нужно пораньше, и возвращаемся мы черт знает когда, рабочий день ненормированный. А у нее что? Моет свои колбочки-пробирочки и глазки строит молодым ученым, вот и вся ее работа, ровно с девяти до шести. Не надорвется.

— Ладно, а во-вторых что?

— У нас квартира меньше. И кухня меньше на целый квадратный метр.

Это правда, кухня в той квартире, где проживали Михаил, Нина и их мать, действительно меньше,

как и в целом общий метраж жилых комнат. Но по сравнению с бараком, в котором все они жили до 1962 года, квартира-хрущевка казалась раем. В бараке у семьи Губановых была всего одна комната, в которой они обитали впятером: отец с матерью и трое детей. Потом отец умер, брат Николай ушел в армию, вернулся, почти сразу женился на Ларисе, родился Юрка. Причем родился так скоро после свадьбы, что даже десятиклассник Миша не сомневался: старший брат женился, что называется, «по залету». Став старше, Миша кое-что узнал и в глубине души начал посмеиваться над Николаем: надо же, чтобы так не повезло! До ноября 1955 года аборт в СССР были запрещены, а Ларка, судя по дате рождения ребенка, забеременела в начале лета, доверенного врача, который сделал бы подпольный аборт, вовремя найти не сумели, вот и пришлось в срочном порядке регистрировать брак. Когда в ноябре запрет на аборт упряднили, метаться было уже поздно, срок большой.

Так и жили, ютясь в барачной комнате: мать, Миша с Ниной да Николай с молодой женой и малышом. Печку топили дровами, отхожее место — на улице, соседи — самые разные, в том числе и пьющие были, и скандальные, и вороватые. Через два года восемнадцатилетний Михаил Губанов ушел в армию, где жизнь по бытовому комфорту мало чем отличалась от жизни в бараке, кроме

одного существенного обстоятельства: по ночам было тихо. Не плакал и не кричал маленький ребенок, не визжала от ужаса несчастная соседка тетя Клава, за которой по длинному коридору мимо всех дверей регулярно гонялся пропивший остатки мозгов ее муж Федор, размахивая ножом и угрожая зарезать... Ночную тишину в казарме нарушал только мерный негромкий храп, но крепкому юношескому сну он ничуть не мешал. А после армии — все тот же барак, только на смену тяжелому алкоголику Федору, которого все-таки посадили за убийство жены, пришла семья тихого школьного учителя, и по ночам уже никто не визжал от страха и не раздавались громогласные пьяные угрозы вперемешку с матом, которые обильно изрыгал муж покойной тети Клавы. И уже одно это казалось Мише Губанову счастьем.

А уж когда стало известно, что барак будут сносить, а всем жильцам дадут квартиры в новеньких пятиэтажках, радости не было предела! Горячая вода, центральное отопление, газовая плита, свой туалет! Заранее прикидывали, как будут размещаться, советовались со знакомыми, считали метры. На одного человека полагалось не меньше 9 квадратных метров, их шестеро, значит, квартира должна быть никак не меньше 54 метров, а в новых домах таких квартир не бывает. Самые большие, трехкомнатные, имеют метраж в 45 квадратов. Мать тогда пошла в профком у себя на фабрике

выяснять, что да как, и с изумлением узнала, что ей, передовику производства и вдове участника войны, выделяют на семью аж две квартиры в одном доме: семья-то большая, дети разнополые, так что все по закону.

— Тебе, Степановна, через полгода на пенсию выходить, так что будет тебе подарок от государства за столько лет самоотверженного труда, — сказал председатель профкома. — И не смущайся. Заслужила.

Вот и вышло, что теперь в одной двухкомнатной квартире жили Николай с женой и сыном, в другой — мать с Ниной и Михаилом. Но все равно Губановы продолжали привычно существовать одной семьей, благо жилплощадь им выделили в одном доме, только в разных подъездах, и каждое утро мама, Татьяна Степановна, поднималась спозаранку, открывала своим ключом квартиру старшего сына и принималась готовить завтрак для всех. Чуть позже к Николаю домой подтягивались брат и сестра, все завтракали и разбегались на работу: Коля — в управление кадров ГУВД, Миша — в районное управление, где с прошлого года работал следователем, Нина — в детскую комнату милиции, Лариса — в свой научный институт, она там лаборанткой трудилась. Ну а Юрка, само собой, отправлялся в школу. После школы мальчик был присмотрен и накормлен, к вечеру всех ждал горячий ужин.

Однако с наступлением июня все менялось. Татьяну Степановну с Юркой отправляли на дачу на все лето, но Миша и Нина по заведенному порядку приходили завтракать и ужинать к Николаю. Обычно Лариса принимала это как должное, не ворчала и ничего такого не высказывала, но иногда вдруг срывалась, вот как сегодня.

Михаил и его сестра торопливо жевали бутерброды и прихлебывали чай: им через десять минут уже выходить, до места работы обоим далеко, добираться больше часа. Лариса, умытая, причесанная и заметно подобревшая, лениво откусывала маленькие кусочки хлеба с колбасой и никуда не торопилась, ей до института пятнадцать минут пешочком. Недавнее раздражение куда-то исчезло, теперь она стала благодушной и даже, кажется, испытывала некоторую неловкость за собственную резкость и за то, что оставила родственников без полноценного завтрака.

— Ребята, что хотите на ужин? — спросила она. — Принимаю заказы.

— Мне мясо, — тут же отозвался Михаил. — Маленькими кусочками, тушенное в сметане.

— Заметано, — кивнула Лариса. — А тебе, Никулька?

— Я на диете, — буркнула Нина. — Ужинать не буду. Кефирчику выпью.

— Ладно, куплю тебе кефир.

— Сама куплю, — огрызнулась девушка. — Лучше о своем муже позаботься, пока он не выгнал тебя к чертовой матери за твои загулы.

Лариса фыркнула и отвернулась к окну, ничего не ответив.

* * *

Нина Губанова

По пути к остановке автобуса, на котором предстояло минут 40 ехать до ближайшей станции метро, Нина Губанова не упускала ни единой возможности бросить искоса взгляд на свое отражение в стеклах витрин. Форма на ее аппетитной фигурке сидит ладно, любо-дорого смотреть! Брат Миша тоже выглядит неплохо, китель с погонами делает его узкие плечи шире и прямее. Надо же, как природа смешно распорядилась: старший братишка, Николай, статный красавец, взял от родителей все лучшее; сама Нина, младшая из троих, сумела урвать у строптивной генетики только отцовский рост и мамино телосложение с пышной грудью и округлыми бедрами, а личико — так, ничего особо выдающегося, но если на ночь накрутить волосы на бигуди и утром правильно накрасить глаза, навести жирные черные «стрелки», то все в целом выглядит очень даже привлекательно; средний же брат, Мишка, вообще неизвестно чем занимался, пока гены распределялись. Или что

там распределяется? Хромосомы? Нина в школьные годы не больно-то напрягалась за партой, в институт поступать не собиралась. Так вот, Миша ухитрился не быть похожим ни на маму, ни на отца, а вышел точной копией бабушки, маминой мамы. Хлипкий, весь какой-то узенький, невысокий, блеклый, с реденькими волосиками. Про таких говорят: без слез не взглянешь. Поставить его рядом с Николаем и Ниной — никто не поверит, что одна кровь.

— Чего ты на Ларку вызверилась? — вполне миролюбиво спросил Миша. — Плохо спала, что ли, на своих дырявых железках?

Бигуди и прочие женские штучки всегда вызвали у него насмешливое презрение.

— Нормально я спала. Но я не понимаю, почему Коля терпит эти ее фокусы! Ходит на какие-то сборища, где куча молодых мужиков со стихами и винищем. Вот чем она там на самом деле занимается, а? Да любой нормальный муж уже сдох бы от ревности, а Колька ни слова ей не говорит, зато после работы тащится на электричке на дачу, чтобы отвезти продукты ее сыну. Подкаблучник он!

От возмущения Нина даже голос повысила.

— Это их сын, а не только ее, — спокойно возразил Михаил. — И мама тоже не ее, а наша. Что ты лезешь в чужую семейную жизнь? Организуй свою собственную и распорядись в ней, как хочешь. И вообще радуйся, что у нашего брата с женой все

спокойно. Если бы они собачились каждый раз, тебе было бы лучше?

— При чем тут это? Я просто не понимаю, как можно было так распустить жену и все ей разрешать!

— Если не понимаешь — читай учебники, давно пора уметь. Лучше бы документы в педучилище подала и образование получила, а не ковырялась в чужих отношениях.

— Больно надо! Мне и с десятью классами неплохо, меня на работе хвалят, — горделиво улыбнулась Нина.

Зачем образование, когда имеешь дело с малолетками? Тут характер нужен, а не диплом, а уж характера-то Антонине Андреевне Губановой не занимать, это все признают. Вон Николай, например, тоже сначала всего восемь классов отучился, пошел на завод и доучивался уже в вечерней школе, — и ничего, отлично двигается по служебной лестнице, сидит в своих кадрах, бумажки перебирает, очередные звездочки на погоны получает. И она, Нина, точно так же сможет. А Миша зачем-то решил затеять всю эту возню с высшим образованием, поступил на заочный, работал в дознании и учился. После третьего курса образование уже считается неоконченным высшим, и Мишу повысили, он теперь следователь. Ну и что хорошего? Дела такие же мелкие и пустяковые, как в дознании: хулиганка, кражи, побои и всякая бытовуха, только возни и бумаг намного больше. Стоило из-за этого

над учебниками корпеть и лишать себя личной жизни по вечерам и выходным? Нина была твердо уверена, что не стоило. Впрочем, какая у Мишки может быть личная жизнь? На него ни одна приличная девчонка не позарится. Уж сколько своих подружек Нина приводила, знакомила с братом, расхваливая его покладистый миролюбивый нрав и природные способности, а все равно ни одна не клюнула. Так что ему все одно заняться нечем, кроме работы да учебы.

Народу на остановке скопилось — целая толпа, в первый из подошедших автобусов Нине и Михаилу втиснуться не удалось, пришлось ждать следующего. Ничего удивительного: большой район новостроек, метро далеко, а всем надо на работу, так что второй автобус это еще удача, ведь бывает, что влезть получается только в третий, а то и в четвертый.

Сжатые в душном салоне автобуса, они с трудом развернулись, чтобы стоять лицом друг к другу.

— Послезавтра твоя очередь ехать к маме, — напомнил Михаил.

— Знаю, — уныло вздохнула Нина.

Правильно Ларка делает, что не любит лето. Нина тоже не любит. То есть само по себе лето это отлично, но вот бесконечные поездки на дачу с сумками, набитыми продуктами... Тоже еще, дачный поселок называется! Даже продмага нет нормального, есть на самой окраине лавка сельпо, так

в ней одни макароны из серой муки и консервы, а мама вбила себе в голову, что ее семья должна питаться самыми лучшими продуктами и Юрочка остро нуждается в витаминах и во всем свежем и полезном. Холодильника в доме нет, еда быстро портится на жаре, запасов не сделаешь и впрок не наготовишь, вот и приходится мотаться туда через день. А все почему? Юрочке, видите ли, нужен свежий воздух, и вообще ребенок каникулы должен проводить на природе, а не в каменном мешке сидеть. Хотя что плохого в городе летом? Нина никогда этого не понимала, природу не любила и прекрасно чувствовала себя в Москве: здесь и кино, и подружки, и кавалеры случаются, и модные журнальчики есть где полистать, и по телевизору хорошие фильмы показывают. А на даче что? Нет, если ты старожил в поселке, где издавна построены красивые просторные дачи для всяких важных людей, то понятно, что всех знаешь, и своя компания давно сложилась, ходят вместе купаться, шашлыки жарят, коньячок попивают, заграничные пластинки слушают. В таких компаниях Ниночка Губанова и сама была бы не прочь проводить и выходные дни, и отпуск. Но Губановы для обитателей дачного поселка — чужие, они из другого круга. Да и дача-то не их собственная, а съемная: когда-то, до войны еще, этот большой красивый дом с участком был «пожалован» известному художнику. Художник давно умер, его жена

тоже, а сын оказался пьяницей, пропивающим всю зарплату. На водку не хватает, вот и сдает по дешевке, за такие смешные деньги, что, считай — даром. Губановы снимают у него уже несколько лет на весь сезон, на три месяца. Ниночка впервые приехала в поселок еще школьницей, обрадовалась сперва, что здесь так много хорошо одетых, модных и современных молодых людей, но близкого знакомства ни с кем не получилось и в компанию ее не приняли. А вот братья смогли как-то завязать отношения, завели знакомых и с удовольствием проводили время в их обществе. Особенно хорошо это получалось почему-то у невзрачного негромкого Миши, он вообще знал в поселке почти всех, и дачников, и местных. И ведь братишка совсем не рубаха-парень и не душа компании, на гитаре не играет, песен Высоцкого не поет, даже анекдоты рассказывать не умеет, а вот поди ж ты... Нина сначала даже немного завидовала ему, не понимала, почему ему удастся то, что не смогла она, юная красавица, а потом нашлось объяснение, вполне ее удовлетворившее: «Эти девицы-дачницы видят во мне соперницу, боятся, что я уведу их кавалеров, вот и сторонятся, не принимают к себе. А Мишка ни для кого не соперник, его местные мужики всерьез не воспринимают». Обсудила свою догадку с парой подружек, встретила полную поддержку с их стороны и выбросила из головы мечты о дачных компаниях молодежи в импортных шмотках

и с заграничными пластинками. Не больно-то ей нужны эти дачные развлечения! Захочет замуж — найдет себе жениха в Москве или где-нибудь на курорте, у моря, когда поедет в отпуск. Ухажеров и в городе полно, нужно будет — выберет.

Тут Нина вдруг сообразила, что накануне, вчера то есть, на дачу вообще никто не должен был ездить, ведь только позавчера Лариса отвозила продукты. Сегодня очередь Миши.

— Слушай, а чего Колька вчера на дачу потащился? — озадаченно спросила она.

— Да мать затеяла «Наполеон» испечь, она же дружит со старухой Ковалевой, а у той сегодня день рождения, семьдесят пять лет. Вот захотела подарок ей сделать, попросила муку привезти, маргарин, масло, еще что-то. В общем, Коля все купил и повез.

Нина наморщила носик, пытаясь вспомнить, кто такая старуха Ковалева.

— Через дом от нас, — пояснил Михаил. — Такая противная бабка, ты ее сто раз видела, она постоянно у калитки торчит, все высматривает, какие женщины к Астахову ходят, чтобы было о чем посплетничать.

— А, эта... Не знала, что она Ковалева. Бабка и бабка. Она и вправду противная.

Михаил неодобрительно покачал головой:

— Ох, сестрица, нет в тебе внимания к людям. Человек живет через дом от нашей дачи, а ты даже имени его не знаешь.

— Да больно надо!

— Но хотя бы кто такой Астахов, ты в курсе?

— Ну, певец такой. И что?

— И ничего. — В голосе брата появились сердитые нотки. — Ты же с людьми работаешь, Нина! И ничего не хочешь о них знать. Как можно так к ним относиться? Зря ты в милицию пошла, ничего у тебя не получится с таким отношением.

Ну, с этим Нина Губанова спорить не стала. Была б ее воля — ни за что в милицию не пошла бы. На свете есть множество по-настоящему интересных занятий, и ей, если честно, хотелось бы стать модельером, придумывать и шить красивые наряды, работать, например, в Доме моды на Кузнецком Мосту. Но ее ведь не спрашивали. Отец так решил. И перед смертью твердо наказал, а они все так же твердо пообещали. Старший брат Николай обещание выполнил, потом Миша, а потом и ее очередь подошла. Как это вообще можно не сдержать слово, данное отцу? Никак.

* * *

Лариса Губанова

Телефон в лаборатории был только один, и в обязанности лаборантки, помимо всего прочего, входило отвечать на звонки и подзывать к аппарату сотрудников. Когда раздался очередной звонок, Лариса быстро промчалась через все

помещение к столу у окна и схватила трубку. Хоть бы попросили к телефону Льва Ильича! Тогда она подойдет к нему, такому замечательному, такому красивому и умному, тихонько тронет за плечо, скажет негромко: «Лев Ильич, вас к телефону», а он обернется, кивнет и скользнет по ней теплым ласковым взглядом. И никто из сотрудников лаборатории ни за что не догадается, что строгий доктор наук Лев Ильич Разумовский для лаборантки Ларисы Губановой давно уже просто Левушка. Господи, как же он ей нравится! Может быть, она даже любит его. Ну так, немножко. Потому что какой смысл по-настоящему любить женатого доктора наук? Перспектив нет.

Но надежды не оправдались. В трубке зазвучал бездушный женский голос:

— Губанову вызывает Успенское.

Да чтоб тебя! Наверняка свекрови понадобилось что-то еще и сегодня кому-то из них придется переться на электричке на дачу. Сама Лариса ездила позавчера, вчера продукты возил Коля, а сегодня снова-здорово...

— Это я, — огорченно отозвалась Лариса.

— Соединяю.

Голос Татьяны Степановны звучал перепуганно и заполошно:

— Ларочка!

Лариса помертвела от ужаса: неужели что-то с Юрой?

— Что случилось, Татьяна Степановна? — еле выговорила она.

— Тут у нас такое... Милиции понаехало — жуть! По домам ходят, всем вопросы задают. Я подумала, что мальчикам нужно об этом сказать, побежала на почту заказывать разговор, но они же не любят, когда я им на службу звоню, вот я тебе и...

— Да что случилось-то? — нетерпеливо перебила Лариса. — С Юрой что-то?

— Астахова убили сегодня ночью. Ну, певца этого знаменитого. Ты представляешь, какой ужас?!

Свекровь продолжала верещать в трубку, но половины слов Лариса уже не слышала. С сыном все в порядке, вот что важно! А певец Астахов... Хотя, конечно, новость знатная. Если общественность и узнает о трагической смерти знаменитости, то далеко не сразу, и еще не факт, что официально объявят об убийстве, могут просто написать в некрологе, мол, скоропостижно скончался. Уж сколько таких некрологов Лариса видела, а потом ей шепотом рассказывали, что человек покончил с собой, или ехал пьяным за рулем и разбился, или напился и ввязался в драку, в которой его убили. Она потом спрашивала у мужа, но Николай всегда отмалчивался или скупно бросал: «Я в кадрах работаю, а не в следствии, сведениями не располагаю». Мишка, младший брат мужа, тоже наверняка знал правду, следовательно все-таки, но тоже болтать не любит, ему нравится секретность вокруг себя

разводить, это ему веса придает. Конечно, при таких данных, как у него, только секретностью и тайнами можно хоть как-то себя приукрасить. Ну, Лариса тоже не дура, понимает, что если бы знаменитость умерла своей смертью, то Коля бы так и ответил, дескать, не распускай сплетни, человек сам умер от болезни. А коль не отвечает, значит, что-то не так.

Ее буквально распирало желание немедленно поделиться новостью. Положив трубку, Лариса на цыпочках подошла к длинному столу, за которым, уткнувшись в микроскопы, сидели Лев Разумовский и еще двое сотрудников — суровая толстуха Лидия Марковна и молоденький аспирант Мухин.

— Народ, никто из вас не собирается в ближайшее время в Большой театр на Астахова? — спросила она небрежно, как бы между прочим.

Первым откликнулся всегда веселый Мухин, симпатяга и балагур:

— Милая Лариса, разве мы похожи на людей, у которых есть такой мощный блат? А без блата в Большой не прорвешься.

— Ты, Мухин, вообще не похож на человека, который ходит в театры на классику, — отпарировала Лариса. — Тебе бы что попроще, на гитаре во дворе побренчать или в кино на «Русский сувенир» сходить.

— Я попрошу! — делано возмутился Мухин. — «Русский сувенир» — эталон советского комедий-

ного кинематографа. Только истинные знатоки могут оценить.

Лариса не выдержала и хихикнула. Над комедией, зачем-то снятой больше десяти лет назад великим Григорием Александровым, потешалась вся лаборатория. Фильм вышел лубочным, глупым, ужасно фальшивым, совершенно не смешным и откровенно пропагандистским. На экранах он долго не продержался, но по телевизору его то и дело показывали. Для сотрудников лаборатории название картины превратилось в некий пароль, с помощью которого обозначались пошлость и примитивность.

Лидия Марковна, хоть и выглядела суровой и неприступной, не лишена была обычного женского любопытства. Бросив недовольный взгляд на младшего коллегу, она с показным равнодушием спросила:

— Чем вызван ваш повышенный интерес к Большому театру, Лариса?

Один из старейших сотрудников института, Лидия Марковна была единственной в лаборатории, кто обращался к лаборантке на «вы». Она вообще ко всем обращалась на «вы» и почти ко всем, кроме самых молодых, — по имени-отчеству, а уж фразы строила — будто на дипломатическом приеме вела переговоры. Старая школа, дворянское воспитание. А может, просто выпендривается.

— Если у вас куплены билеты на Астахова, то имеет смысл их сдать, — загадочно улыбнулась Лариса, мечтая, чтобы Лев Ильич поднял наконец голову и подключился к беседе. Однако Разумовский словно и не слышал их разговора.

Но нет, он все отлично слышал.

— А что случилось? — проговорил он, не отрываясь от окуляра. — Астахов эмигрировал за границу и спектакли с его участием отменили? Или умер? Или внезапно потерял голос? Было бы жаль, он прекрасный тенор, месяц назад я слушал его в «Пиковой даме».

— Я на перекур, — объявила Лариса. — Не хочу отрывать вас от работы. Кому интересно — можете присоединяться, поделюсь подробностями.

Она уже поняла, что сглупила и разговором об Астахове невозможно вытащить некурящего Левушку на лестницу. Конечно же, за ней увязался Мухин, и такую потрясающую новость пришлось потратить на аспиранта.

— Только не болтай об этом, ладно? — попросила Лариса. — Я тебе по секрету рассказала.

— Так ведь не только мне, — усмехнулся Мухин. — Лев Ильич слышал, и Марковна тоже.

— Ничего они не слышали, я же ничего и не сказала, только посоветовала билеты сдать, если они есть.

— Ты так прозрачно намекнула, что не понять невозможно. Вот я сейчас вернусь, они меня спро-

сят, и что мне отвечать? Что мы с тобой обсуждали новые стихи Евтушенко? Кстати, как они тебе?

— Мне вчера про старый дом понравилось стихотворение, — живо отозвалась Лариса. — «Качался старый дом, в хорал слагая скрипы...» Оно такое печальное, безысходное, прямо как моя жизнь. Там такие образы поэтичные!

— Да ну тебя, Лара, тебе бы все про любовь. А мне вот это запало: «Меняю славу на бесславье», там хорошо сказано про канаву, в которой я бы тоже хорошенечко выспался. Но выпили мы вчера, конечно, многовато. Пойло какое-то сомнительное было... Как у тебя голова сегодня, не болит?

— С утра болела, я даже проспала, своих без завтрака оставила, придется вечером отрабатывать повинность.

Именно Мухин два года назад ввел Ларису в компанию молодых поэтов и просто любителей и ценителей поэзии. С тех пор она постоянно принимала участие в их посиделках, иногда камерных, а порой шумных и многолюдных. Никакого специального образования у Ларисы не было, за спиной обычная десятилетка, но молодая женщина оказалась обладательницей необыкновенно чуткого слуха, позволявшего ей очаровываться музыкой словосочетаний. Она даже не подозревала, что может так влюбиться в поэзию, и уж тем более не ожидала, что ее мнением по поводу стихов кто-то может заинтересоваться. В этой

новой среде она ощущала себя своей, нужной, востребованной, оцененной и теперь все чаще удивлялась: как она могла выйти замуж за Колю Губанова? Зачем она это сделала? Смутно припоминала, что, кажется, очень хотела обрести мужа, родить ребенка, завести полную семью... Тогда ей было всего девятнадцать, замужество казалось самодостаточной ценностью, а Коля, рослый, статный и привлекательный, так красиво за ней ухаживал! Разве могла она подумать одиннадцать лет назад, что ей будет смертельно скучно рядом с ним? Его, кажется, корежит от одного только упоминания о поэзии. И вообще ему ничего не интересно. Пресный он. Недалекий. Сидит в своем отделе кадров, бумажки перебирает. То ли дело Разумовский, ее Левушка...

* * *

Михаил Губанов

Лариса подала Михаилу ужин — тушенную в сметане говядину, как он и заказывал еще утром, и отварной картофель, молодой, посыпанный укропчиком и мелко порубленным чесночком, — и скрылась в Юркиной комнате с книжкой. Брат Николай давно поел и теперь сидел на диване и ждал, когда Миша насытится. Хорошо ему, в шесть вечера запер кабинет — и свободен, домой приходит вовремя, не то что Михаил, который

сегодня почти весь день провел в Бутырке, по очереди допрашивал арестованных по групповому грабежу, потом еще три часа у себя в райотделе бумаги отписывал. Да уж, следственная работа и кадровая — две большие разницы и одна маленькая, как говорится.

— Ты можешь узнать, кто из оперов занимается делом Астахова? — внезапно прервал молчание Николай.

От удивления Михаил чуть не поперхнулся.

— Зачем тебе?

— Ты тупой, да? Я же на даче был вчера вечером, и ночью тоже был. Я тебе больше скажу: я заходил к Владилену, разговаривал с ним. Нужно, чтобы меня допросили или хотя бы просто задали мне какие-то вопросы. А вдруг я что-то важное видел, слышал, знаю?

— А, ну да, — равнодушно протянул Михаил. — Я совсем забыл, что ты с этим певцом приятельствуешь. А ты что, действительно что-то видел или слышал?

— Мишка, перестань строить из себя идиота! — Николай слегка повысил голос, и Михаил понял, что надвигается буря. Характер у старшего брата, может, и неплохой, а вот темперамент поистине бешеный, чуть что — сразу в крик, а то и вмазать может. — Я же не знаю обстоятельств дела, поэтому не могу сказать, видел ли я то, что важно для следствия, или не видел. Пусть меня спросят! У меня

же есть глаза, и уши тоже есть, и мозги, значит, я видел, слышал и понимал происходящее вокруг, но откуда я могу знать, важно это или нет? Да твою же мать, ты — следователь, ты должен лучше меня такие вещи понимать, а ты сидишь с тупым видом!

— Я ем, — невозмутимо сообщил Михаил. — И во время приема пищи могу иметь любой вид по собственному выбору, я не на службе.

— Ты — сотрудник милиции, ты на службе круглые сутки и за свой ненормированный рабочий день получаешь оклад содержания. Забыл?

Голос Николая быстро наливался яростью.

— Ты же кадровик, вот ты мне и напоминай, это твоя обязанность.

Наезды старшего брата Мишу ничуть не напрягали, наоборот, даже развлекали. В те минуты, когда Коля выходил из себя, повышал голос, начинал браниться, а то и бушевать, Миша сохранял полное хладнокровие и наслаждался собой. «Кто яростен — тот слаб, кто спокоен — тот силен», — мысленно повторял он когда-то услышанную фразу, хотя теперь уже даже не пытался припомнить, кто и при каких обстоятельствах ее произнес. А может, и не услышал, а вовсе даже прочитал где-то... Да и какая разница, кто придумал такое замечательное правило! Главное, что оно помогает Мише Губанову в некоторых ситуациях чувствовать себя выше и сильнее, а ведь при его невысоком росточке и довольно-таки хилом телосложении такое удоволь-

ствие выпадает далеко не каждый день. Младший брат зачастую умышленно провоцировал старшего, зная его взрывной темперамент. Ну, возможно, не совсем умышленно, не с заранее обдуманном намерением, но подходящего случая никогда не упускал.

— Я не понимаю, чему тебя вообще учат! Как ты ухитришься сдавать экзамены, если после третьего курса все еще не понимаешь элементарных основ расследования! — Николай уже почти кричал.

Миша не спеша дожевал последний кусок мяса, подобрал вилкой остатки картошки, отодвинул тарелку и потянулся за чашкой, в которую заранее был налит чай: Губанов-младший не любил кипяток и чай всегда пил изрядно подостывшим.

— Если тебе так приспичило поделиться своими знаниями, я завтра узнаю, кому это может быть интересно, — спокойно пообещал он. — Ну все? Ты закончил орать? Я могу хотя бы чаю выпить в тишине?

— Если бы ты был настоящим следователем, ты бы снял телефонную трубку и узнал это прямо сейчас за десять минут, а через полчаса я бы уже разговаривал с теми, кто занимается делом Астахова, — с холодной яростью проговорил Николай. — Но ты не настоящий следователь и никогда, видимо, им не станешь. Посуду помой за собой, здесь тебе не ресторан.

— Обойдешься, — хмыкнул Миша, прихлебывая чай.

* * *

Николай Губанов

Следователь, получивший в производство дело об убийстве Владилена Семеновича Астахова, солиста Большого театра, заслуженного артиста РСФСР, оказался вдумчивым и тщательным, но при этом раздражающе медлительным. На вид лет примерно сорока или около того, полноватый, в очках, напоминающий старательного бухгалтера, сводящего годовой баланс, он неторопливо задавал вопросы и записывал в протокол ответы аккуратным, некрасивым, но разборчивым почерком. К этому следователю по фамилии Дергунов Николая Губанова привел сотрудник уголовного розыска, имя которого сообщил, выполняя данное накануне обещание, брат Миша. Оперативник Саня Абрамян оказался знакомым, Николай знал его еще по давней кратковременной работе в уголовном розыске. Впрочем, сейчас Абрамян был уже не простым опером в одном из райотделов Московской области, а начальником отдела. Тот, выслушав Губанова, счел, что имеет смысл, не теряя времени, «допроситься под протокол», и они вместе поехали в прокуратуру к следователю.

— Там явно какая-то месть, — говорил Абрамян, сверкая яркими темными глазами. — Ты только представь: на рояле свечи расставлены, догоревшие,

конечно, к тому моменту, как все обнаружилось, рядом на кушетке покойничек лежит, на груди фотография какой-то девахи и записка по-иностранному. На столе пустая бутылка из-под водки, а в мусорке упаковка из-под импортного лекарства. Судмедэксперт, который выезжал с группой, сразу сказал, что это сильное снотворное и если его с водкой принять, то эффект, как говорится, гарантирован.

— Так может, самоубийство? — предположил Николай. — Таблетки под водочку — и тихий отход.

— Как же, самоубийство! — фыркнул Саня. — А свечи с затейливым рисунком зачем? А карточка с запиской?

— Ну мало ли... Несчастливая любовь, все такое... Человек творческий, мало ли какие затеи в голову придут. Что в записке-то? Может, она предсмертная, с объяснениями?

— Так какого хрена тогда она непонятно на каком языке написана? Написал бы по-русски, чтобы все понятно было. А тут... — Он удрученно махнул рукой. — Отдали спецам в Институт иностранных языков, они сказали — написано по-французски: «Мне пришлось убить того, кого я обидел». Ну, приблизительно что-то в таком роде. На предсмертную как-то не похоже. Да ты сам подумай, Колянч: стал бы человек, который хочет с собой покончить, выбрасывать в мусорку пустую упаковку от таблеток? Глупо же. Если уж этот Астахов был таким аккуратистом и не хотел